

Фаддей – поборник гласности

Сегодня. – 1999. – 5 июля. – с. 9.

Судьба наполеоновского офицера в России

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, –
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Александр Пушкин

Леонид Корнев

В

польских энциклопедических словарях человек, которого звали Ян Тадеуш Булгарин (в русской интерпретации Фаддей Венедиктович Булгарин) характеризуется коротко: «агент царской полиции». Он как бы позорит рядом стоящих однофамильцев (на самом деле и родственников, включая родного отца, соратника Костюшко) – борющихся за независимость своей родины. Заметим, что Российской империи служило немало поляков, но мало кому так не повезло. Разве что в новейшее время так относились в Польше к Дзержинскому.

Дело, конечно, не в крови или политических взглядах. И потомок аристократического польского рода Гоголь, и менее аристократичный обладатель польских корней Достоевский ценимы в этой стране, несмотря на рассыпанные в их произведениях ругательные слова насчет «ляхов».

Да, Польша всегда не любила коллаборантов. Но чем не угодил Булгарин России?

Каждый школьник знает, чем. Отношением к Пушкину, и еще немного к декабристам. Как говорится, литературный Дантес.

Булгарину пришлось ждать 200-летнего юбилея (он родился 5 июля 1789 года), а точнее, перестроечно-переоценочных времен, когда в герои стали выходить уже и атаман Краснов, и генерал Власов – только тогда

появились первые спокойные слова и о Фаддее. Выяснилось, что не был Булгарин агентом III отделения: это наложение позднейших представлений. Осталось «отмыть» его от обвинения в том, что воевал против России в составе наполеоновской армии. Так ведь и не воевал тоже, поскольку сражался вовсе даже в Испании, затем пленен во Франции в 1814 году.

Не перейти ли к заслугам?

Краткая биография. После того, как отец Фаддея, польский повстанец, был арестован, выпущен, но лишен родового имени, обедневшая мать схватила ребенка в охапку и поехала в Петербург унижаться по приемным. Устроила в Шляхетский сухопутный корпус, по окончании которого Фаддей сражается против французов в 1806-1807 годах. Ранен, награжден орденом Анны 3-й степени. Затем шведская кампания. Служить бы дальше, получая звезды. Но была у Фаддея одна черта, всю жизнь ему мешавшая. Попросту, характер имел он склочный и едкий ум. За эпиграмму на комполка арестован, затем переведен в часть похуже, а после вовсе выброшен из армии в чине подпоручика. И уволенный Фаддей через Варшаву двинулся в Париж, где вступил в польский легион французской ар-

мии. Потом, как упоминалось, Испания, двухлетний плен, возвращение в Польшу.

В 1819 году – очередной перелом в судьбе. Снова Петербург, салон Карамзина, литературные споры. Решил стать издателем и редактором и проявил недюжинную деловую хватку. Журнал «Северный архив» – исторический, «Русская Талия» – театральные альманахи, соредакторство в журнале «Сын Отечества», но главное – первая настоящая частная газета «Северная пчела», издававшаяся им до конца жизни (1859). Не было газеты, сравнимой с ней по популярности. Чтобы «пробить» газету, Фаддей подбросил властям богатую идею: «Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать одною только тенью свободы в мнениях насчет некоторых мер правительства... К этому два средства: справедливость и некоторая гласность». Совет учли (а в XX веке по той же модели создавались газета «Накануне» 20-х – помните, Булгакова печатали? – и «Литературка» 60-х). И в этой газете впервые появилась рубрика «Фельетон». И цензор Никитенко отмечал в дневнике, что чиновники ничего не читают, кроме «Пчелки», в которую веруют, как в священное писание.

А кроме того, Фаддей Булгарин был еще и самым читаемым романистом. Он был Пиккуль своего времени, так к нему и относились. Переиздавались раз за ра-

зом «Мазепа», «Дмитрий Самозванец» и особенно авантюрный «Иван Выжигин», переведенный, кстати, на французский, английский, немецкий, итальянский и польский языки.

Но скандалистом был, увы, и завистливым к тому же. Не понимал, почему им, истинно народным писателем, пренебрегают, а эстета Пушкина ласкают. И кусался печатно. Не надо думать, что это было безопасно. Император Николай обращался к Бенкендорфу по сему поводу: «В сегодняшнем номере «Пчелы» находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему огненные печатать какие то ни было критики на его литературные произведения: и если возможно, запретите его журнал». Что и было исполнено.

К концу жизни Булгарин рассорился почти со всеми своими друзьями, и до вызова на дуэли доходило. С двумя не успел: Рылевым, угодившим на виселицу, и Грибоедовым, растерзанным толпой в Тегеране. Впрочем, с ним он бы никогда не поссорился. Собственно, благодаря Булгарину существует комедия «Горе от ума». Во-первых, именно ему поручил Грибоедов судьбу пьесы, во-вторых, Булгарин сделал все, что было можно, если не больше, напечатав в отрывках ее в своем журнале, несмотря на полный официальный запрет.

